

Катарина Киери

Совсем не Аполлон

Перевод со шведского Лидии Стародубцевой

УДК 821.113.6-053.6

ББК 84(4Шве)-44

К38

Макет и обложка — Александр Васин (Groza.design)

Киери, Катарина.

К38 Совсем не Аполлон : [для ст. шк. возраста : 16+]/ Катарина Киери; пер. со швед. Лидии Стародубцевой ; [макет и обл. А. Васин (Groza.design)]. — М. : КомпасГид, 2018. — 184 с. — (YA).
ISBN 978-5-00083-459-6

«Такие, как ты, и разрушают семьи». Слова — как выстрел в сердце. Лаура и сама не знает, как это случилось: он просто зашел в класс, совсем не Аполлон, даже слова не промолвил — а ее будто молнией ударило. И потом, что ни день, они случайно сталкивались друг с другом: в коридоре, в магазине, в кинотеатре. Она все думала о нем, прокручивала в голове разговоры — реальные и вымышленные.

Его зовут Андерс Страндберг. Он новый учитель математики в школе, где учится Лаура. Он предложил ей подработку. Он выпил с ней кофе. Он положил ей руку на плечо. «Такие, как ты, и разрушают семьи» — эти слова-как-выстрел-в-сердце произнесла ее лучшая подруга Лена. По телефону. И именно тогда, когда Лена узнала: отец уходит из семьи — к женщине намного моложе.

Роман-дневник Катарини Киери в 2002 году номинировался на премию им. Августа Стриндберга, а спустя десять лет писательница и педагог была удостоена высшей литературной награды Швеции — премии им. Астрид Линдгрэн. «Совсем не Аполлон» — пронзительное и глубокое произведение, которое детально описывает происходящее в душе 15-летней Лауры и подсказывает, как найти выход из жизненного тупика.

Роман «Совсем не Аполлон» уже выходил в серии «Поколение www.» и стал откровением для тысяч русскоязычных читателей — именно по их просьбам «КомпасГид» и переиздает его в новой серии.

Серия «YA» (young adults) продолжает любимую читателями «КомпасГид» коллекцию «Поколение www.». В начале 2010-х она стала широко известна благодаря таким обсуждаемым романам, как «Скажи, Красная Шапочка» Беате Терезы Ханики и «Притворяясь мертвым» Стефана Касты. Запущенная в 2010-м, та подборка была первой в России, ориентированной на аудиторию young adult («молодых взрослых»), и теперь линейка расширяется под новым названием. «YA» объединяет книги, которые могли быть написаны только в наши дни, — острые, дерзкие, злободневные романы-вызовы для читателей от 16 и старше. Оформил серию известный дизайнер, сооснователь фестиваля Turomania Александр Васин.

УДК 821.113.6-053.6

ББК 84(4Шве)-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

INGEN GREKISK GUD,
PRECIS by Katarina Kieri
First published by Rabén&Sjögren,
Sweden, in 2002. Published by agreement
with Rabén&Sjögren Agency
© Стародубцева Л. В., перевод, 2012
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2018

ISBN 978-5-00083-459-6

Передо мною сидел совсем не Аполлон. Не восьмое чудо света, не венец творения. Смысл возникновения Вселенной в результате Большого взрыва и эволюции от одноклеточных до современного человека был явно не в его появлении на свет. Будь ему шестнадцать или семнадцать, будь я героиней американского школьного сериала, блондинкой с маникюром и глубоким вырезом, — тогда, может быть, да. Но на самом деле все было совсем не так.

Мы сидели за большим столом в самой обыкновенной учительской. Я ткнула Лену локтем в бок, она обернулась и посмотрела на меня:

— Что?

Я сидела вытаращив глаза и разинув рот. И взгляд у меня, наверное, был совершенно пустой.

— Что с тобой?

Я пыталась ответить, но не могла издать и звука, даже пискнуть не могла.

— У тебя температура?

Собрание только что началось. Наш директор — как ему только не надоест — вечно начинает с одних и тех же скучных приветственных фраз, которые вроде как должны нас вдохновлять:

— Мы стремимся... ради достижения наших целей... объединив усилия... в центре внимания... результат...

Как будто мы все дураки какие-то — ученики, учителя и родители. Как будто нельзя просто сказать: «Начнем встречу».

Неужели так трудно называть вещи своими именами? Зачем, например, называть библиотеку «комнатой собраний»? Почему нельзя назвать библиотеку библиотекой?

Вот о чем я думала, когда он вошел в учительскую.

Раньше я его не видела. Не греческий бог, а настоящий человек. С сердцем стало твориться что-то странное: его словно окутало чем-то мягким, как будто вокруг него кошка свернулась теплым клубочком, зажмурилась и замурлыкала, погрузившись в негу. У него было открытое лицо: прямой взгляд, он не прятал глаз, просто осмотрелся по сторонам. И озорной огонек, дремлющий в глубине взгляда до поры до времени. «Наверное, этот огонек нередко просыпается», — подумала я. Его походка излучала спокойную уверенность — не самоуверенность, а именно уверенность. Спокойствие, ощущение присутствия. Человек, присутствующий здесь и сейчас. Мужчина. Не шестнадцатилетний подросток. Не девятнадцати-двадцатилетний юноша. Мужчина. Мужчина в джинсах и вязаном свитере.

Он садится напротив меня, садится за тот же самый стол, но по другую сторону, потому что там есть свободный стул. Садится, глядя на меня. Он не ввалился в учительскую, не прошмыгнул и не прокрался, не помешал речи директора. Он берет стул и слегка отодвигает, чтобы сесть. Отодвигает без преувеличенной осторожности, как поступают некоторые — они-то, кстати, привлекают к себе гораздо больше внимания, чем тот, кто просто берет стул, слегка отодвигает и садится. И смотрит на меня. Прямо на меня, и тут озорной огонек просыпается и кивает мне, как малыш, которому захотелось

поиграть: «Ку-ку!» Наверное, мои глаза улыбнулись в ответ. И тогда мне пришлось напрячь все силы, чтобы оторвать взгляд от него и посмотреть на Лену, сидящую рядом со мной.

А Лена — это мне сразу стало ясно — видела вовсе не то, что я. Мы не всегда видим одно и то же, многое мы воспринимаем по-разному. Обычно это не имеет ровным счетом никакого значения, но иногда я над этим задумываюсь. Как, например, сейчас. Хотя мы лучшие подруги, несмотря ни на что.

На собрании должны были обсуждать надписи на стенах — или «школьный вандализм», как выразился директор.

— Мы должны объединить усилия, чтобы всерьез взяться за решение проблемы вандализма в школе и сообща справиться с ней.

Серьезно, он так и говорит. Вы попробуйте произнести это вслух — уснете со скуки на середине предложения. И как он только держится... Неужели нельзя говорить как нормальный человек? Да еще и «вандализм». Я, конечно, не считаю красивым все, что малюют на стенах, но вандализм — это скорее разбитые унитазы или что-то в этом духе.

На собрании должны были говорить о надписях на стенах. Но не только:

— Андерс Страндберг.

Так он представился. Я машинально взяла ручку и записала, как только он произнес свое имя. Я должна была сделать репортаж о собрании для школьной газеты, но, кроме имени Андерса Страндберга, так ничего и не записала. Придется потом попросить Лену помочь. У нее-то не было температуры, если на то пошло.

— Лаура. 9 «Б».

Это я сказала. Хотела посмотреть на него. Почти получилось.

Андерс Страндберг, новый учитель. Раньше я его не видела. Но выглядел он очень знакомо, хотя и не был похож ни на кого из тех, кого я знаю. Я словно поняла, что он за человек. Будто бы поняла, как он слушает, как он проявляет участие, хоть и не особо много говорит. Я как будто сразу все это увидела, поняла и оценила. Мне хотелось быть рядом с ним. Время от времени я смотрела на Лену: интересно, заметила ли она то, что заметила я? Только бы заметила. Только бы не заметила. За все собрание я не произнесла ни слова.

Мы шли домой по зимнему вечернему городу — Лена и я. Минус два, только что закончился снегопад, мир приглушенный, огромный. Уличные фонари как теплые судовые огни, скрип снега под ботинками. Кошка, свернувшаяся вокруг сердца, будто в любимом кресле, мурлыкала и мурлыкала. Мне хотелось домой, к себе, в свою комнату. Хотелось сидеть там одной и гладить мягкую шерстку.

Но этого я сказать не могла. Не могла — и всё.

— Он учитель математики, да? Тот, новый.

Вот и все, что я смогла сказать, преодолев волнение. Я произнесла эти слова, чтобы продлить новое ощущение, чтобы оно оставалось со мной всю дорогу до самого дома. Чтобы Лена не начала говорить о собрании, о том, что я должна написать в школьной газете. Только не сейчас. Только не об этом.

— Угу.

Вдруг меня осенило. Я резко остановилась, скрип прекратился.

— Он у нас будет?

— Чего?

— Он у нас будет? По математике? Он будет вести у нас математику?

Лена посмотрела на меня немного озадаченно и, кажется, слегка раздраженно вздохнула, прежде чем двинуться дальше.

— Лаура, проснись, у нас математику ведет Май-Бритт. И будет вести дальше, до самого выпускного. А если совсем не повезет, и внуки наши будут у нее учиться.

На внуков в данный момент мне было наплевать. Я пыталась понять, хорошо это или плохо, что Андерс Страндберг не будет нашим учителем. Наверное, хорошо. Наверное. Кошка потянулась во сне.

Чтобы Лена не сменила тему, я пыталась заставить гудящий от напряжения мозг выдать что-нибудь еще — но не то, о чем мне больше всего хотелось говорить.

— А кто же тогда уволился?

Скрип Лениных ботинок не прекратился, но замедлился. Краем глаза я поймала ее оценивающий взгляд — довольно жесткий. Я не просто задала дурацкий вопрос, но еще и делала вид, что не понимаю, насколько он дурацкий. Притворялась, что я не Лаура, а кто-то другой. Школа наша небольшая, и мы знаем всех учителей наперечет — даже тех, кто у нас ничего не ведет. Странно задавать такие вопросы, проучившись в этой школе два с половиной года, да еще и являясь членом школьного совета, и вдобавок занимаясь школьной газетой, и вообще.

— Бенга, — отрезала Лена и прибавила шаг.

— А, ну да.

Лена почувствовала неладное, я сразу поняла. Это меня беспокоило и в то же время совсем не трогало. Я как будто попала в промежуточное пространство, какие-то жизненные скобки.

Если бы все было как прежде, то я, наверное, попробовала бы завлечь Лену в это пространство. С колотящимся сердцем водила бы ее там, показывала бы важные вещи, с горящими щеками рассказывала, каково там находиться. Говорила бы о чем хотела. Но все стало не так, как прежде. Так странно — ведь ничего особенного не случилось. Никто, кроме меня, не чувствовал ничего необычного этим вечером. А мне все-таки казалось, что произошло что-то очень, очень важное. Что-то новое, что-то большое, что-то значительное. И я знала, что это «что-то» не понравится Лене. Может быть, она уже догадывалась — наверное, мой вид красноречиво говорил, в чем дело. Лена была настороже.

Мы попрощались у моего дома.

— До завтра, — сказала я и неуверенно улыбнулась.

— Пока.

Она резко повернулась и пошла домой. Я не видела ее лица, но была почти уверена, что она не улыбнулась в ответ.

Я проснулась в пять утра. Обычно я не просыпаюсь так рано, сплю крепко. Во всяком случае, в декабре, посреди зимней мглы, когда ночь длинна, темна и тиха. Летом все иначе. Летом иногда просыпаешься в три ночи от того, что солнце отыскало щелку между шторами и упрямо щекочет веки, пока не откроешь глаза.

Мозг казался почти пустым. Вычищенным и вымытым. Ни одной настоящей мысли, только еле уловимые предчувствия. Лежать было неудобно, как ни повернись. Подушка какая-то комковатая, под одеялом жарко, без одеяла холодно. Во всем теле блуждали какие-то беспокойные частицы. Лежать без движения было просто невозможно. Я не понимала, что за предчувствия выманили меня из сна — страшные или приятные. По крайней мере, сначала не понимала, а потом все стало проясняться.

Я увидела перед собой открытое лицо. Открытый взгляд. Темные, немного непослушные волосы, к которым хотелось прикоснуться — боже упаси! Запустить в них пальцы. Положить руку ему на голову. Я запустила пальцы в свои волосы, жидкие и скучные на ощупь, — и по телу все же пробежала дрожь.

Неужели я проснулась так рано из-за этого лица, этого взгляда, этих волос? Из-за этого мужчины?

Так ведь не бывает. Так не должно быть. Пятнадцатилетняя девочка не должна просыпаться в пять утра из-за мужчины. Из-за дяденьки. Дяденьки-мужчины.

А если все-таки проснулась?

Тогда надо срочно уснуть обратно.

Да ладно, все не так страшно — может быть, это ничего не значит.

Послушай, пятнадцатилетнюю девочку вообще не должны интересоваться взрослые дяденьки, она не должна даже замечать их существование. Самое большее, что она делает, — приподнимет бровь, если случайно заденет тако-го в коридоре. Зевнет и пойдет дальше.

А если она все-таки обратила внимание, что тогда?

Я снова заснула, положив голову на комковатую подушку, и спала урывками, пока внутри блуждали беспокойные частицы. Потом я услышала, как мама с папой возятся на кухне, в ванной и в прихожей. В двадцать минут восьмого они вышли из дома. Через три минуты я поднялась со своей неудобной кровати.

Сидя за кухонным столом, я пила чай и просматривала семейный раздел в местной газете. Мама всегда оставляет открытым именно этот разворот. Мы про это никогда не говорили, но она умудряется утро за утром прочитывать одинаковое количество страниц и оставлять открытым один и тот же разворот. И я начинаю с семейного раздела. Не там, где новорожденные, свадьбы и некрологи, а где гороскоп.

«Овен: сейчас вашей жизнью управляет то, что вы не в состоянии контролировать...»

Я не верю в астрологию. И в Бога не верю. Но каждое утро, с понедельника по пятницу, читаю дурацкий гороскоп в семейном разделе местной газеты (по воскресеньям газета не выходит). И примерно раз в год я молюсь

Богу, в которого не верю. Как правило, об очень прозаических вещах. Например, чтобы в последний день учебы была хорошая погода. Хотя раньше я молилась чаще.

Почистив зубы, я долго стояла перед зеркалом и смотрела на свое отражение. Что я видела? Почти круглое лицо, обрамленное темно-русыми волосами, отнюдь не гладкими и послушными. Серьезные глаза, серьезные губы. Перед зеркалом мне легче состроить сердитую гримасу, чем улыбнуться. Мне не нравится моя улыбка — во всяком случае, та, что выходит перед зеркалом. По-моему, она не красивая, а показная — как будто я пытаюсь быть кем-то другим, не собой. И это заметно. На фотографиях я стараюсь выглядеть серьезной. Ненавижу, когда школьный фотограф просит «показать зубки», я не люблю свои зубы, мне не нравится мое лицо, когда я заставляю себя растягивать уголки рта в улыбке. Тогда я напоминаю себе волка. Или уголки рта начинают дергаться. Другое дело — когда улыбка вырастает изнутри, а не на губах и когда я сама ее не вижу. По-моему, тогда она красивее. То есть красивее — это, конечно, преувеличение, ничего особенно красивого во мне нет.

Поразмышляв о том, что я увидела в зеркале, я сделала то, что делаю очень редко, — отправилась в свою комнату, выдвинула нижний ящик стола, открыла маленькую косметичку, достала тушь, вернулась в ванную и встала перед зеркалом.

Лена позвонила в дверь в восемь ноль пять, за десять минут до начала уроков. Обычно мы приходим вовремя, а если нет — то не по Лениной вине, а по моей. Я иногда как бы зависаю, забываю, что надо следить за временем.

Лена хорошая. Классная. Свойская, как говорит папа. Ну, не о Лене, конечно, а говорит о коллегах, которые

ему нравятся. «Бёрье — свойский парень». Парень? Папа называет мужчин своего возраста парнями. А пятнадцатилетним нельзя называть парнями тех, кому за тридцать, даже за двадцать. Это «вводит в заблуждение», как говорит Ленина мама.

Интересно, сколько лет Андерсу Страндбергу. Сначала я хотела поговорить об этом с Леной, но потом почувствовала, что получится не очень... что будет неловко.

— Особенный день? — спросила Лена, когда мы были почти у самой школы.

— Что?

— Ну, ты накрасилась.

— А, это. Нет, просто... нашло.

В ту же минуту я пожалела, что взяла тушь. Я же почти не крашусь, зачем надо было делать это сегодня — в обычный школьный день, в обычную пятницу. Я вдруг почувствовала себя тринадцатилетней малявкой, которая пытается попасть на сеанс «только для взрослых». Но пойти смыть тушь я тоже не могла — уже поздно, Лена видела. Что за идиотизм — прийти в школу накрашенной и смыть тушь!

День получился странный. Время шло, уроки тоже — а я будто отсутствовала, чувствовала себя одновременно и радостно-возбужденной, и серьезной. Я будто чего-то ждала — чего-то большого и удивительного, словно была уверена, что это большое и удивительное обязательно произойдет, что оно уже рядом. Я толком не знала, что бы это могло быть. И Лене я ничего сказать не могла, просто не могла, вышло бы ужасно глупо.

Я несколько раз прошла мимо учительской. По дороге на обед, уже у самой столовой, притворилась, что забыла в классе ручку. На перемене после обеда пошла в библиотеку и стала искать книгу, хотя заранее знала, что ее

там нет. Но ничего более явного не делала — чтобы никто не заметил, то есть чтобы Лена не заметила.

Такая вот тайная игра под названием «Сколько раз Лаура пройдет мимо учительской, не вызвав подозрений?».

Последним уроком была музыка, а я сидела и думала о том, что надо сделать еще шаг, что это часть игры, иначе день насмарку. Надо войти в учительскую. Надо попасть внутрь.

— Можешь идти домой, если хочешь, — сказала я Лене, когда мы стояли у шкафчиков и убирали учебники в сумки.

Лена удивленно посмотрела на меня.

— Можешь меня не ждать.

— А что ты собираешься делать?

— Надо кое-что узнать.

Я слишком долго копалась в шкафчике, чтобы врать, не глядя Лене в глаза.

— Хочу проверить, сдала ли рецензию, которую задавали по шведскому. Не помню.

— Я могу подождать.

Что я и говорю. Лена хорошая. Классная. Свойская. Но сегодня дело было не только в этом. Она что-то подозревала — и было что подозревать на самом деле. Я еще немного покопалась в шкафчике, разыскивая то, чего там не было.

— Ладно, я скоро приду. Но ты иди, если я задержусь.

Зачем я это добавила? Глупо. Во-первых, не было причин задерживаться. Во-вторых, это лишь усилило ее подозрения. В-третьих... не знаю, что в-третьих.

Вопрос: в чем был смысл этого дня? Ответ: в том, чтобы находиться как можно ближе к учительской. И все-таки, открыв дверь, я была поражена. Кто стоял прямо у порога и надевал куртку? Прямо у меня перед носом. На расстоянии вытянутой руки.

Я так увлеклась игрой, что забыла, зачем играю. Забыла, чье открытое лицо и открытый взгляд были предметом игры. Кошка испуганно вскочила и убежала.

Рука замерла на ручке двери. Подошвы ботинок прилипли к полу. Приоткрытый рот так и застыл.

— Здравствуй, — сказал он со смехом.

— *Здравствуй*, — сказал он со смехом.

Он засмеялся, но сначала сказал «здравствуй».

Что он сказал?

Он сказал «здравствуй».

Что он сделал?

Он засмеялся.

Что сделала ты?

Не знаю. Вроде кашлянула.

Что ты сделала?

Пришла в себя, ушла прочь.

Лена стояла у шкафчика.

— Сдала рецензию?

— Не знаю. Зацепилась за дверную ручку.

— Чего?

— Шучу. В учительской никого не было.

Идет снег. Почти стемнело. Под глухим снегопадом бежит кошка. Она тихо мяукает, просит, чтобы впустили. Ложится в кресло, сворачивается калачиком.

Дома, лежа в постели, я раз за разом вызывала в памяти образ смеющегося мужчины с открытым взглядом, обращенным ко мне. Я старалась задержать этот взгляд на себе как можно дольше.

Лена — Козерог и тоже не верит в гороскопы. И слава богу: у Козерогов гороскопы довольно неприятные. Все про карьеру и про деньги. *«Вам не терпится совершить желанную покупку, но кто-то в вашем окружении может воспротивиться этому»*. И так всегда. Покупки. Никаких чувств. То есть у Лены есть чувства. Людей без чувств не бывает. Если чувств нет, то ты умер. Или по крайней мере не жив.

Но я, честное слово, никогда не видела Лену плачущей. Не видела, как она злится. Наверное, и радости настоящей я у нее не видела. Такой радости, когда не можешь усидеть на месте, когда внутри все бурлит, когда теряешь контроль над собой. Лена никогда не теряет контроль, она человек дела. Берется и делает — школьную газету, уборку в комнате. Она не сожалеет о несделанном, она просто делает.

У Лены очень четкие взгляды. Если что-то кажется ей неправильным, то она говорит напрямик. И обсуждать вопрос дальше нет смысла, ее точка зрения не изменится. Она никогда не сделает того, что кажется ей неправильным, — даже случайно, по ошибке. Иногда я думаю, что она слишком строгая; некоторыми мыслями мне даже не хочется с ней делиться — теми, которые ей не понравятся.

Лена — моя лучшая подруга. Ей пятнадцать, в январе будет шестнадцать.

Суббота — это хорошо. Здорово, когда нет уроков. Но в эту субботу все было не так здорово. Школа манила, как будто что-то ждало меня там — что-то тайное и необыкновенное.

Мы сидели в Лениной комнате и ели «субботние» конфеты. Да, мы до сих пор покупаем конфеты по субботам, как это всегда было в детстве. То есть не просто идем в магазин в субботу и покупаем конфеты. Субботние конфеты — совсем другое, для нас это своего рода ритуал, который мы поддерживаем в пику остальным. Мы придумали это в начале седьмого класса, когда все наши одноклассницы вдруг решили, что теперь они взрослые и крутые. Все просто обязаны были стать другими. Все, о чем мы раньше говорили, что делали прежде, стало ерундой. Забудь всю свою жизнь до седьмого класса и родись заново! Стоило заговорить о чем-нибудь, произошедшем полгода назад, как все отводили взгляд и делали вид, что не понимают, о чем идет речь.

Все остальные девчонки в классе стали краситься, но так неумело, будто их поколотили до синяков. Гулять по школьному двору на большой перемене теперь считалось величайшей глупостью, а если кто и высказывал на улицу, то обязательно полуголым, даже в дикий холод. Нет, все обязательно должны бледной толпой тусить в школе, умирая от недостатка кислорода. Сидеть со скучающим видом в сером коридоре.

Говорить с теми, кто младше, означало подписать себе смертный приговор, особенно если заговорил с шестиклассником — то есть с тем, кем был еще совсем недавно. Как будто все детское было заразой, обрекающей на вечные муки в геенне огненной. Однажды наша одноклассница во время обеда пересела за другой стол, сто-

ило нам с Леной упомянуть, что мы недавно смотрели детскую передачу. И тогда мы решили: пора. Пора начать сопротивление, ради нас самих. Мы стали перебирать все вещи, которые наши одноклассники теперь считали детскими, и остановились на субботних конфетах. Именно так: субботние конфеты. Прошло время, и большинство наших одноклассниц успокоилось. А субботние конфеты мы покупаем до сих пор.

Дома у Лены все время слушают музыку. У нас дома музыку слушаю только я, в нашей семье нет даже общего музыкального центра. Мои родители говорят о музыке только тогда, когда заходят ко мне в комнату и просят убавить звук. У Лены дома всё не так — в их гостиной постоянно звучит музыка, часто довольно необычная. На этот раз в доме звучала флейта: Ленина мама решила порадовать семью записью голландского ансамбля флейтистов.

Поверьте мне, человек — существо приспосабливающееся, может привыкнуть к чему угодно: к концертам мотоциклистов-тромбонистов, монгольскому горловому пению и фальцету из Болгарии. Но однажды Лена не выдержала. Ее папа купил диск с записью ансамбля, который не пел, а кричал, да еще и по-фински. Лена продержалась день, а вечером решительно выключила музыкальный центр.

— Если ты не перестанешь слушать этих сумасшедших, то я позвоню в отдел опеки и попрошу забрать меня из семьи.

Лена, как я уже говорила, человек дела.

Голландский ансамбль флейтистов звучал необычно, но не навязчиво. Особенно за плотно закрытой дверью Лениной комнаты, в которой мы листали старые журналы и жевали субботние конфеты.

В мыслях я то и дело возвращалась в школу, к учительской. К открытому лицу взрослого мужчины, к его пронизательному взгляду. Кошка свернулась клубком у меня на коленях. В груди и в животе было немного щекотно.

Мне хотелось рассказать об этом, но заговорить о таком с Леной было невероятно трудно. Я знала: ей это не понравится. Мы столько рассуждали о том, какими хотим быть, какими должны быть. Мы решили, что ни за что не попадемся в дурацкие ловушки для девочек. Мурлыканье кошки, щекотка в груди и животе очень напоминали такую ловушку. И все-таки мне очень хотелось рассказать обо всем, слова так и просились наружу.

Вопрос вертелся на языке не меньше получаса, свербил во всем теле, от макушки до пяток, а я старалась собраться с духом и спросить самым непринужденным тоном, как будто мне только что в голову пришло, случайно подумалось, пока я листала журнал.

Раз, два, три...

— Кто самый старший из парней, в которых ты влюблялась?

Лена немедленно подняла голову от журнала:

— Чего?

Самое ничтожное из всех жалких слов, которые можно услышать в ответ на самый вымученный из вопросов. Глубокий вдох, взгляд прямо в глаза:

— Кто самый старший из парней, в которых ты влюблялась?

— А что? Почему ты спрашиваешь?

Набираешься храбрости целую вечность, а теряешь в одно мгновение. Как я в ту секунду.

— Ну, я просто подумала...

Лена пристально посмотрела на меня:

— Ты на кого-то глаз положила?

Мы вдруг поменялись ролями — теперь вопросы задавала Лена.

— Не то чтобы...

— Не то чтобы? Это как? Это он положил на тебя глаз?

Ох, если бы я могла ответить «да» на этот вопрос.

Ага, один парень так и увивается за мной. Суперклевым. Все время на меня смотрит, ходит за мной, ухаживает. Куда ни пойду — везде он, даже надоел уже...

— К сожалению, нет. Мы же не в голливудском фильме. И, кстати, я первая спросила.

— Такие вопросы не задают без повода. Ты знаешь это не хуже меня.

Я уже пожалела, что заговорила. Как мне вообще пришло в голову, что Лена станет вежливо отвечать на странные вопросы и даже не поинтересуется, почему я их задаю? Она не такая. Впрочем, я и сама наверняка ответила бы так же. Сказала «а» — говори «б». Только журналисты могут задавать вопросы без объяснений. И адвокаты в суде. Наверное.

— Эрик, — ответила Лена.

Она встала и подошла к письменному столу.

— Чего?

— Эрик. Ты спросила, кто старший из парней, в которых я влюблялась. Его звали Эрик, он работал у нас в садике. Мне было пять лет.

Она посмотрела на меня. Лицо серьезное, даже строгое.

— А теперь я хочу знать, почему ты спросила.

Вне всякого сомнения, она хотела знать. Правда, хотела знать — и знать именно правду. Всерьез. *The truth and nothing but the truth*¹.

¹ Правду и ничего, кроме правды (англ.).

Вдруг в дверь постучали. Это был Ленин папа.

— Ужин подан! Ты ведь поужинаешь с нами, Лаура?

Мой папа никогда не сказал бы такого Лене. Он совсем не такой милый и приятный. Иногда я даже сомневаюсь, помнит ли он Ленино имя.

Ужинать с Лениной семьей — обычно одно удовольствие. Но сегодня мне было бы нелегко сидеть с ними за столом и непринужденно болтать.

— Спасибо, мне надо домой, — ответила я, пряча глаза от Лены, встала и пошла к двери.

Ленин папа театрально схватился за голову, изображая отчаяние:

— Значит, ты покидаешь меня!

Проходя мимо, я слегка похлопала его по руке:

— Вы это переживаете.

Я затылком чувствовала Ленин взгляд. Нерадостный, разочарованный.

Я шла домой. Субботним вечером. Декабрьским субботним вечером. В домах накрывали на стол к ужину, смотрели матч английской лиги, принимали душ после прогулки на лыжах. Мясной дух из кастрюль и сковородок струился на улицу. Декабрьским субботним вечером на улице ни души, даже малышей не видно. Лопатки и санки одиноко лежат во дворах, ждут светлого завтрашнего дня.

Чем занимается учитель математики субботним декабрьским вечером? Сидит за кухонным столом, погружившись в решение уравнений? Играет в шахматы? Вряд ли. Но и вообразить его сидящим перед телевизором и следящим за матчем «Эвертон» — «Ньюкасл» с банкой пива в руке я тоже не могла. Хотя откуда мне знать.